

направленные к экономическому объединению страны (унификация мер, введение единой монетарной системы и т. д.), имеют в истории образования китайской народности значение большого сдвига.

Мы не можем согласиться с оценкой важнейшей даты, приводимой автором — конец XII в. до н. э. — как эпохи свержения рабовладельческого государства и возникновения феодального строя. Источники говорят, что сложившееся в Китае во второй половине II тысячелетия до н. э. государство было рабовладельческим с сильными пережитками первобытно-общинных отношений. Создание единого государства, наряду с реформами в области землевладения, военного дела, финансов и управления, нанесло серьезный удар этим пережиткам. При Ранней Ханьской династии рабовладение, повидимому, достигло своего апогея. В городах во II—I вв. до н. э. существовали рынки рабов, компаний, занимавшиеся работогловлей, получали гигантские доходы. Каналы, дворцы, храмы, гробницы строились руками рабов. Все эти факты не укладываются в схему автора, считающего, что уже в конце XII в. до н. э. Китай вступил в эпоху феодализма.

Таковы, на наш взгляд, недочеты в освещении Люй Чжэн-юем проблем древней истории народов Китая. Книга Люй Чжэн-юя ставит интересные вопросы, решить которые можно будет при коллективной работе историков, лингвистов, этнографов и археологов. Большое значение имеет сама постановка этих вопросов. Работа Люй Чжэн-юя свидетельствует о том, что историки Китайской народной республики стремятся дать марксистское освещение древней истории народов Китая.

B. A. Рубин

G. THOMSON, *Aeschylus and Athens, A study in the social origins of drama*, London, 1950, стр. XII + 478.

Если в настоящее время можно считать в общем выясненными главные моменты социально-экономического развития древнего мира, то все же многие основные вопросы истории античных обществ остаются еще нераешенными. В истории производства, в вопросах о применении рабского труда и его формах, о характере и судьбах античного крестьянства, о формах классовой борьбы и пр. остается много неясного. В иностранной литературе по экономической истории древности можно найти сводку фактических данных о развитии торговли, ремесла, техники, сельского хозяйства и пр., но эти данные освещаются обычно с модернизаторской точки зрения, более крайней или более умеренной. Пропесс экономического развития в этой литературе рассматривается с точки зрения экономики буржуазного общества, не учитывается своеобразие соответствующих явлений, не делаются попытки привести их в связь с рабовладельческим характером античных обществ, значение которого притом часто отрицают. Между тем нельзя не поставить вопроса о том, насколько применимы к древности те понятия, которыми пользуются при характеристике классовой структуры буржуазного общества. Мало можно назвать работ, в которых изучались бы вопросы о ренте, о видах труда, о значении вложения средств в землю, о функциях денег, о воздействии налогового аппарата на ход развития социальных отношений в древности и пр.

Однако односторонне было бы ограничивать рамки исследования исключительно социально-экономическими отношениями. Те или иные условия политической жизни и формы идеологии связаны с определенной исторической обстановкой, характеризуют общество, в котором они возникают, проливают свет на ход социально-экономического развития. В частности, предания, связанные с представлением о золотом веке, легенды, возникшие в связи с культурами, социальные утопии, политические проекты, художественное творчество и пр. дают богатый материал по истории общества. При

разрешении всех указанных вопросов и теперь, несмотря на богатство документального материала, художественная литература сохраняет большое значение как исторический источник. Именно в ней исключительно ярко отражается стремительный ход исторического развития, своеобразные социальные отношения, богатая культурная жизнь Эллады, соединившей верность древним традициям, практику ритуала и обычаяев, идущих от седой старины, с быстрым переходом к идеям, законам и нравам, представляющим продукт нового времени. Несмотря на исключительную важность археологического (и отчасти эпиграфического и нумизматического) материала по истории VIII—VI вв., все же ничто лучше не вводит в атмосферу этого времени, чем «Труды и дни» Гесиода, так живо рисующие быт и заботы беотийского крестьянина, чем стихотворения Архилоха, Алкея, Солона или Феогнида, проникнутые духом страстной борьбы, гневом, ненавистью, надеждой или радостным сознанием одержанной победы. Возможно, что и в гомеровских поэмах можно уловить отпечаток этой эпохи¹. И позднее, несмотря на всю преувеличенност изображения, умышленное сгущение красок, прямые вымыслы и клевету, древняя аттическая комедия всегда останется живым свидетельством социальной и политической жизни Афин второй половины V в.—начала IV в., неисчерпаемым источником для ознакомления с яростными политическими столкновениями, со взглядами, теориями, интересами и стремлениями этого бурного времени, выраженными с поразительной силой, выступающими в речах и действиях персонажей Аристофана или Евполида.

Наконец, в величественных образах трагедий, в волнующих песнопениях хора или в полных мысли и чувства выступлениях героев мы не можем усматривать лишь выражение некоторых общих начал, лишь проповедь моральных или религиозных идей. Перед нами исповедь поэта, живущего теми вопросами, которые стояли перед мыслящими людьми его времени, страдавшего и боровшегося вместе с ними за определенную программу жизни, горячо выражавшего свои убеждения, откликавшегося на запросы современности. Слова Теренция *«homo sum et nihil humanum a me alienum esse potest»* в неменьшей мере приложимы уже к поэтам классической Греции, хотя их образы и приемы поэтической изобразительности нам порой труднее понять и объяснить, чем произведения позднейших авторов. Поэтому естественно ожидать, что в результате нового исторического исследования жизни Афин и деятельности того или иного из их великих художников поэт, произведения которого составляют предмет изучения, предстанет не в образе великого, но неподвижного и далекого от нас героя, но как человек, творческие радости и муки которого станут нам близки и понятны. В особенности этого следует ожидать от изучения творчества Эсхила, стоящего на грани двух веков, хранившего традиции афинской аристократии и ставшего свидетелем торжества демократии. К этому нужно прибавить, что Эсхил — участник борьбы с персидским нашествием, переживший грозную опасность, нависшую над Грецией, что это — глубокий мыслитель, исключительный по силе фантазии и яркой образности поэт, первый автор трагедий, произведения которых дошли до нас (хотя и в малой доле), драматург, огромный поэтический рост которого возможно проследить в течение нескольких десятилетий его творческой деятельности.

Работа Томсона, задуманная как исследование поэтического творчества Эсхила в неразрывной связи с вопросом о возникновении трагедии и с историей афинского общества, представляет глубокий интерес, она содержательна, оригинальна по построению и по идеям, основана на глубоком специальному изучении поэзии Эсхила. Поэтому нельзя не приветствовать нового издания этого труда, вышедшего впервые в свет в 1941 г. Автору принадлежит ряд выдающихся работ по истории и культуре древней Греции. Он давно и плодотворно занимался изучением текста произведений первого из великих аттических трагиков; большое значение имеет его издание «Прометея» и в особенности «Орестеи» (1938) в двух томах с обширным введением и подробным комментарием. Его исследования по истории эгейского и раннегреческого общества

¹ Ср. E. Mireaux, *Les poèmes homériques et l'histoire grecque*, I, Paris, 1948.

и культуры посвящены труднейшим проблемам этой эпохи (см. реп. Б. Горнунга в ВДИ, 1950, № 4). Но наиболее оригинальной является рецензируемая книга, вызвавшая различные суждения в зарубежной литературе. Отрицательное отношение некоторых специалистов (например Harsh в его труде «A Handbook of Classical Drama», 1948, стр. 502) обуславливалось отнюдь не научными соображениями, но тем обстоятельством, что Томсон стремится подойти к Афинам и Эсхилу с позиций марксизма. Переиздание книги Томсона в 1946 и 1950 гг. показывает, что она возбудила интерес не только в кругу узких специалистов.

Автор поставил перед собой задачу осветить творчество Эсхила в связи с общим развитием греческого общества и, в частности, в связи с переходом от родового общества к государству. Решение этой задачи требует специального исследования ряда вопросов, и труд Томсона является, по признанию самого автора, лишь предварительным очерком (см. предисловие ко 2-му изданию). Помимо небольшого введения, книга состоит из четырех основных частей. В первой (стр. 11—55) дается характеристика первобытно-общинного строя (*tribal society*), рассматриваются такие явления, как тотемизм и экзогамия, исследуются первоначальные формы собственности, выясняется значение представления о моярах, как символе первобытного коммунизма. Содержание второй части посвящено проблеме перехода от родового строя к государству: автор последовательно изучает социальную организацию ахейцев, используя археологический материал и гомеровский эпос (стр. 59—68), время господства аристократии — развитие и рост крупного землевладения, роль жречества в этот период, положение крестьянства, главные черты в развитии права, пробуждение научной мысли (стр. 69—84). В последней главе этого раздела (гл. VI, «Тирания») говорится о появлении того класса, который явился главной движущей силой «городской», «демократической» революции — класса торговцев и людей среднего положения (стр. 85—94). В третьей части исследуется проблема возникновения драмы. Корни ее следует искать в далеком прошлом, в древнем ритуале «посвящений», в представлениях о смерти и возрождении, связанных с ритуальной драмой. В этом аспекте автор рассматривает культ Диониса и дионисовский фиас, указывает на распространение этого культа и секты орфиков в VI в., характеризует религиозную политику тиранов VI в. и связывает эти явления в области религиозной идеологии с социальной историей эпохи, с движением разоренного, лишившегося земли крестьянства, вынужденного идти работать в Лаврионские рудники. С культом Диониса связано возникновение дифирамба, а из дифирамба рождается трагедия: актер в трагедии, это — преемник древнего героя ритуала, явившегося богом, жрецом и поэтом. В последней главе этой части прослеживается дальнейшая эволюция трагедии — введение второго и третьего актера, секуляризация мистического ритуала, отдельные моменты в развитии действия, специфические особенности трагедии как поэтического жанра.

В последней части автор переходит непосредственно ко времени Эсхила. Здесь (гл. XII и XIII) центральное место занимает характеристика «городской революции» и победы «среднего класса» — реформы Клисфена. События после нее — борьба Эллады против Персии и развитие внутренней жизни Афин в 90—60 гг. VI в. (Мильтиад, Фемистокл, Кимон) приводят к окончательной победе афинского «империализма» и демократии. В небольшой XIV главе говорится об изменениях в организации празднеств в честь Диониса в Афинах в связи с реформами Клисфена, о тетралогии и возникновении комедии. В последующих дан подробный разбор трагедий Эсхила; в особенности интересно и глубоко изложено содержание «Орестеи» (гл. XV), далее рассматриваются ранние произведения поэта — «Умоляющие», «Персы», «Семеро против Фив» (гл. XVI) и, наконец, трилогия о Прометее. Заключительные главы (XVIII и XIX) представляют собою краткий очерк последующего развития трагедии (Софокл, Эврипид) и анализ понятия *хабаргис* и его социальной функции. В двух специальных экскурсах в приложении подробно трактуется сложный вопрос о классификационной системе и об индо-европейских терминах для обозначения родства.

Таково богатое и разнообразное содержание книги. В ней сочеталось детальное изучение предмета с интересом к широким обобщениям, к историческому синтезу.

Присмотримся к основным идеям автора. Томсон связывает теснейшим образом развитие трагедии с историей демократического государства, характеризующего высший момент в развитии древнего общества. Автор справедливо указывает, что проблема родового строя в Греции, когда-то поставленная Морганом и Энгельсом, находится в пренебрежении у современных исследователей и что вообще сильно преувеличивалось влияние внешних факторов на развитие общества, влияние заимствования в ущерб изучению последовательных моментов социального развития. Каким бы сложным ни представлялось сравнительно-историческое изучение социального развития племен, наука должна отказаться от господства традиционных методов (стр. 5), которые дали все, что они могли дать. Применение же новых точек зрения, уничтожение барьеров между изучением античности и другими отраслями исторической науки открывают перед нами безграничные возможности. Труд Томсона — не только вклад в изучение творчества Эсхила, но и демонстрация применения нового научного метода. Сложность постановки вопроса — стремление связать это творчество с социальной историей Афин, найти в нем отражение основных явлений современной поэту жизни, а также показать далекие истоки тех идей, которые продолжали жить в греческой трагедии, обуславливает многообразие содержания и необычную композицию книги. Автор дает сжатое, но последовательное изображение хода классовой борьбы в Аттике и оформления государства в связи с переходом Афин от экономики сельскохозяйственной к экономике, основанной на денежном обороте (стр. 199). Господство землевладельческой аристократии, создавшееся в период разложения первобытно-общинного строя, было опрокинуто выступлением нового, «среднего» класса — торговцев и ремесленников.

Городская революция привела к поражению контрреволюции в лице Исагора и его сторонников и к своеобразному возвращению в новых исторических условиях к первоначальному строю, основанному на равенстве всех членов общины. Все основные учреждения и обычай демократии являются древними институтами: народные собрания, жребий, всенародные празднества и т. д. Стой, установленный Клисфеном, — вовсе не хитроумная выдумка законодателя-рационалиста, не искусственная система, плод политического расчета; этот строй представляется естественным, поскольку воскрешает старые, существовавшие в течение веков начала. Это положение позволяет лучше понять на конкретном материале и общую точку зрения автора, и его метод, о которых речь шла выше. Об афинском государстве, о греческой трагедии и об Эсхиле мы не должны судить с точки зрения современности, подходить к ним с современными моральными критериями. Томсон горячо протестует против этого и убедительно показывает, что при наличии такого подхода идеология Эсхила и его творчество останутся непонятными. Ритуал предшествовал мифу и сохранялся и тогда, когда мистические идеи, связанные с ним, стали бледнеть и стираться. Особенное значение имел ритуал «посвящений», неразрывно связанный с примитивной магией и с экономическими потребностями тотемистического эзогамного клана. Только в свете сравнительно-исторического изучения этнографического материала мы можем правильно понять и развитие греческого общества и греческой идеологии.

Эсхил является представителем старой аттической знати, воспителем местных преданий, поэтом, напоенным мистическими традициями Элевсинна, использовавшим их в своем драматическом творчестве, и в то же время поэтом-борцом, умеренным демократом, подобно пифагорейцам, под сильным влиянием идеологии которых он находился. Основной вопрос, который владел им, это — вопрос о движении общества, о том, как первобытно-общинный строй сменился демократическим городом-государством. Эсхил — борец за демократию, за цивилизацию против первобытного варварства, за новое государство, которое показало свою стойкость в борьбе с варварами.

Труд Томсона представляет собою выдающееся явление в зарубежной исторической литературе. Обилие фактических данных, стремление изучать и освещать исторические явления с позиций марксизма, умелое использование обширного материала по истории первобытного общества, наконец, простое и ясное изложение, а также увлечение предметом своего исследования, передающееся читателю,— все это застав-

ляет признать большое значение этого труда. Репенсируемая работа вносит свежую струю в огромную филологическую и историческую литературу о Греции классического периода, и можно полностью согласиться с автором, что при изменении метода исследования материала, казалось бы, уже вполне изученного, открываются совершенно новые возможности. Автор не только рисует общий ход социального развития Аттики, но останавливается иногда подробно на отдельных его моментах. В особенности интересны в этом отношении страницы, посвященные Аттике VI в. Не со всеми положениями автора можно согласиться, но всегда они подкрепляются конкретными данными и составляют звено в его общей концепции социального развития. Использование материала по истории первобытного общества выгодно отличает книгу Томсона от многих работ по истории древней Греции. В этой связи показателен спор автора с одним из представителей английской науки (Pickard-Cambridge) по вопросу о методологии. Томсон вполне признает компетентность последнего в пределах узкого круга специальных вопросов, но замечает, что вне этого круга Pickard-Cambridge вообще «не мыслит», что ему все черты греческой трагедии представляются «естественными», объясняются лишь общечеловеческими свойствами.

Еще в конце XIX в. русский ученый Воеводский выдвинул ту идею, что мифы являются выражением сознания общества на данной ступени его развития, а не просто поэтической фантазией, что, в частности, гомеровский миф, это — комплекс понятий, обычаев, действий, глубоко коренящихся в первобытной жизни народа. Конкретизация этих идей в работах Воеводского, находившегося во власти теории солнечных мифов, представляется нам теперь односторонней и неправильной, но едва ли можно возражать против только что приведенных формулировок. В связи с ростом этнографического материала и успехами истории первобытной культуры сходные идеи развиваются в западной, в особенности в английской, науке конца XIX — начала XX вв. (работы Э. Лэнга, Фрезера, Гаррисона, Меррей, Корнфорда и др.). На этой линии развития научных идей находится и работа Томсона. Но она отличается от произведений названных исследователей прежде всего в одном отношении: сопоставления греческого материала с данными, характеризующими общественный строй полинезийцев, австралийцев и пр., не являются только любопытной аналогией, свидетельствующей о сходстве явлений в определенной области, но связываются с главными чертами в структуре всего общества, с той ступенью в его развитии, на которой оно находится. Автор прав, утверждая, что формы землевладения в гомеровских поэмах могут быть поняты лишь в свете сравнительного анализа земельных отношений в первобытном обществе вообще (стр. 37).

Он систематически рассматривает развитие идеологии в связи с экономической и социальной эволюцией. Смена поэтических жанров, развитие лирики связаны с политическим преобладанием землевладельческой аристократии (стр. 80). Интересен анализ представления о майрах (стр. 46—47), об ананке (стр. 158), об «освобождении» (стр. 249), очерк распространения орфизма и изложение мифа об Оресте, в котором ярко отразились различные периоды социальной истории. Ясно представлен процесс аристократизации греческого общества, показано, как система отношений, развивавшаяся на базе равенства, превратилась в орудие классового господства (стр. 70). Значение творчества Эсхила определяется тем, что это творчество характеризует период перехода к демократическому государству, период борьбы с остатками родового строя.

Таковы некоторые из основных идей автора. В общем книга читается с неослабевающим интересом и, что самое главное, наталкивает читателя на размышления над рядом проблем по истории эпохи, работа по изучению которой многим почему-то рисовалась мало плодотворной, не обещающей новых открытий. Соединение специальных знаний с определенными принципами исторической методологии обуславливает значение и своеобразное место труда Томсона в западной исторической литературе.

Однако нельзя не признать, что то, что дано в этой книге, является лишь первым шагом в направлении к цели, поставленной автором: рассмотреть трагедии Эсхила со стороны их содержания и формы на фоне истории афинского общества. У читателя возникает ряд недоуменных вопросов, а с некоторыми положениями автора согласиться

невозможно: в них проявляется влияние тех самых теорий «мандаринов» от науки, с которыми он борется. Автору не удалось при развитии своей темы, имеющей двойственный характер («Эсхил и Афины»), связать обе части в некое органическое целое. Это отражается в самой композиции книги: из ее 19 глав лишь три посвящены непосредственно Эсхилу; это главы 15, 16 и 17-ая. Но и они представляют собою главным образом изложение содержания и анализ его произведений, взятых несколько изолированно, недостаточно введенных в исторический контекст эпохи. В картине социальных отношений, которую рисует автор, не все представляется правильным. Как это ни странно, в книге много говорится о государстве, но почти ничего нет о городогосударстве: полис как характерная форма греческой общественной организаций почти вовсе не выступает в изложении автора. Переход от родового строя к государству рисуется следующим образом: в VIII—VII вв. религия была сознательно организована как средство усиления экономического господства землевладельческого класса, и главы родов использовали религиозный авторитет, чтобы обеспечить свои материальные интересы: они стали общепризнанными толкователями традиции и обычного права и судьями в гражданских тяжбах (стр. 72—73). «Таким образом, расширяя привилегии, полученные ими при родовом строе (*tribal society*), — замечает автор, — они превратили этот строй в государство» (стр. 73). Томсон считает, что государство существовало уже до Солона и правящим классом была землевладельческая знать, а эксплуатируемым классом являлось крестьянство, находившееся в тяжелом положении, страдавшее от произвола землевладельцев. Он полагает, что организация управления завоеванной территорией в гомеровскую эпоху подобна феодальной системе Западной Европы, и проводит аналогию с Англией времен Чосера, в которой «крестьянин был связан сходными обязательствами со своим лордом» (стр. 78). Из этого сопоставления ясно, что Томсон мыслит переход от первобытно-общинного строя к классовому как переход от общинного быта к феодально-крепостническому, а не как возникновение рабовладельческого общества. Этому впечатлению содействует и дальнейшее изложение, в котором идет речь об упомянутой уже выше «городской» революции. Эта революция связана с выступлением «среднего» класса. Правда, этот «средний» класс рисуется у Томсона иными чертами, чем, например, «средний» класс *le petit bourgeois* в книге Эренберга об Аристофане и афинском обществе, но все же этот торговый класс противополагается землевладельческой аристократии, и в общем, так как автор почти не упоминает о рабах, социальная эволюция Аттики напоминает, в изложении Томсона, историю смены феодального землевладельческого дворянства буржуазией в государствах Европы.

Но ведь как в сфере экономических, так и политических отношений задача заключается в том, чтобы уловить их своеобразный, исторически преходящий характер, связанный со всей структурой изучаемого в данный период общества. В Греции происходило не возникновение государства «вообще», но государства в его определенной исторически обусловленной форме. Томсон, с одной стороны, признает «глубокие различия между демократическим движением в древней Греции и ростом современной буржуазии» (стр. 214 сл.), но в то же время полагает, что изучение социальных и религиозных движений в Европе XVI в. делает ясным развитие религиозных идей в древности. Автор не замечает коренного различия в структуре тех обществ, которые он сравнивает, не учитывает того, что дело идет о различных общественных формациях. Отсюда те поверхностные, на наш взгляд, аналогии, которыми передко пользуется автор. Если еще сравнение между развитием христианства и орфизма (стр. 159—160) может быть принято, хотя и *сущ grano salis*, то сравнение роли Дельф в VIII—VI вв. с мощью средневекового папства не является удачным: оно стирает характерную черту исторического развития Греции, которая, в противоположность древнему Востоку и тем более европейскому средневековью, была в значительной мере свободна от влияния церковной иерархии. Тирания Писистрата, сыгравшая значительную роль в процессе окончательного оформления афинского государства, не имеет ничего общего, в противоположность утверждению Томсона, с правлением Тюдоров в Англии (стр. 90), а эпитет «респектабельный буржуа», прилагаемый автором к Плутарху [и к Аристо-

телю, который писал с точки зрения «афинского буржуа» (стр. 203)], не дает правильного представления об общественной позиции знаменитого греческого писателя. Лютеровская реформация XVI в. не походила на движение орфиков, так как социальная основа того и другого движения была глубоко различной. То же замечание можно сделать и относительно определения экономических отношений: автор довольствуется, например, указанием на переход Афин от примитивной сельскохозяйственной экономики к экономике, основанной на денежном обороте (*a monetary economy*), но подобное определение, даваемое без всяких оговорок, стирает грань между античной экономикой, сохранившейся в самые блестящие периоды своего расцвета натурально-хозяйственную основу, и экономикой капиталистической эпохи. Не учитывая же примитивизма и своеобразия античной экономической системы, мы не сможем понять и всей устойчивости порядков и обычаяев, связанных с глубокой стариной, которую так хорошо показывает сам Томсон.

Подобная точка зрения присуща не только автору рецензируемого труда. В работе другого английского исследователя, также стремившегося изложить главные моменты истории древней Греции в марксистском освещении (M. Wason, *Class Struggles in Ancient Greece*, London, 1947), мы находим сходные основные положения и множество аналогий между древностью и современностью. По мнению Wason, имеется сходство между утопиями и лирикой Эллады и поэзией эпохи Елизаветы. Развивается литература,— пишет она,— более личная по своему характеру и интересующаяся более настоящим, чем прошлым. К этому типу поэзии принадлежит греческая лирика VII—VI вв. и лирическая поэзия Англии времен Елизаветы (Wason, стр. 57). Подобно греческим лирическим поэтам, Спенсер и Шекспир выражали аристократические взгляды, но сила богатства нового типа и несправедливость страданий бедняков были также признаны ими (стр. 58). Если среди педиев,— говорится в другом месте (стр. 77),— были и новые роды, которые приобрели землю путем брака или покупки, то ведь и в гражданской войне в Англии новая аристократия, созданная Генрихом VII, примкнула к реакционной партии и т. д.

Возвращаясь к изложению Томсона, отметим, что автор, рассматривая произведения Эсхила, деятельность которого относится преимущественно к первой половине V в., т. е. ко времени, когда рабовладение и работоговля получают уже решающее значение в жизни греческого общества, почти не упоминает о рабстве. Между тем он сам признает, что труд крестьян, согнанных с земли, играл главную роль до Песдеских воях (разрядка моя,— К. З.). Очевидно, что и по мнению автора после Персидских войн произошли изменения в этом отношении. Демократия явилась восстановлением древнего строя первобытной общины, неоднократно указывает Томсон. Эта идея помогает понять отдельные институты Афин позднейшего времени, но что привело к этому «оживлению прошлого» (стр. 207)? Почему этот новый «средний» класс был заинтересован в нем? Ответа на эти вопросы в книге мы не находим.

Если мы теперь от глав исторического характера обратимся к анализу художественных произведений Эсхила, то и здесь увидим, что этот анализ не дает ясного ответа на вопрос о социальном содержании творчества Эсхила. О последнем говорится впервые только в 15-й главе (*«Орестея»*). Автор дает краткие биографические сведения о поэте, дошедшие до нас, указывает на влияние мистических идей Элевсинса и пифагорейства, и этим в значительной мере ограничивается: он не делает попытки представить отчетливее социальное лицо Эсхила, указать его позицию в классовой борьбе его времени. Читатель узнает о том, что поэт стоит на рубеже двух эпох — доклассового общества и классового, но от него остаются скрытыми нити, которые связывают Эсхила с современной ему действительностью: с рабовладельческой демократией, с ожесточенной борьбой партий в 70—60-х годах V в., с ростом афинского «империализма», — а эти десятилетия были решающими в области внешней политики Афин, — с идейным движением в Греции этого времени. Нам кажется недостаточным указать лишь на тот факт, что Эсхил был демократом, так же хорошо сражавшимся, как и писавшим (стр. 1), что он принадлежал к древней аттической знати, что он умеренный демократ и представитель раннего пифагорейства, что хотя он жил в период, когда развитие

научной мысли было уже значительным, но предпочитал выражать свои мысли посредством мифологии (стр. 276). Эта характеристика могла бы стать убедительной в том случае, если бы автор систематически проследил в произведениях Эсхила его отклики на текущие события политической жизни и подкрепил собранным материалом свои выводы. Древний аттический поэт едва ли мог оставаться равнодушным к таким вопросам, как экспедиция в Египет (ср. «Эвмениды», 292 сл.), отношения с Аргосом или вопрос о государственном устройстве. Ясно, что Эсхил ненавидел тиранию, но какова была его позиция в борьбе партий, которая только что привела к трагической гибели крупнейшего вождя демоса, Эфиальта? Этот вопрос тем более естественно задать, что Томсон не раз подчеркивает боевой характер творчества Эсхила.

Автор, правда, останавливается при разборе «Орестеи» на вопросе об ареопаге. Он считает, что если Афина в трагедии «Эвмениды» называет членов ареопага судьями по делам об убийстве, то это означает, что Эсхил примирился с реформой ареопага в 462 г., хотя все же был против политики радикальной демократии (стр. 286). Однако Томсон в то же время указывает, что традиция восхваления ареопага была консервативной традицией (стр. 285) и что именно она дана полностью в трагедии Эсхила. Не менее показательно для политических идей Эсхила противопоставление в устах Клитемнестры опасности, которой подвергается Агамемнон под Илионом, положению в Микенах (*δημόφροις ἀναρχία*) (ср. Agam. 874)¹: поэт советует гражданам избегать как анархии, так и деспотизма («Эвмениды», 699, ср. 529 сл.) и т. д. В другом своем труде («*Oresteia*, т. II, стр. 285) Томсон, приведя цитаты из Еврипила, Фокилицы и Платона, указывает, что лучший политический строй, по Эсхилу, это правление среднего класса, что перед нами принцип реформ Солона и что в то же время это — применение к политике пифагорейской доктрины. Но этих указаний, нам кажется, недостаточно: важно было бы конкретно охарактеризовать этот «средний» класс, идеологом которого якобы является Эсхил, а также показать связь высказываний поэта с политическими условиями его времени. Может показаться, что мы слишком много требуем от автора, но таков характер задачи, которую он поставил перед собою. Характеристика поэта как «умеренного демократа» при отсутствии картины общей политической ситуации и анализа социальной сущности партий остается слишком схематичной.

Конкретного изображения соотношения социальных сил не дано не только в связи с творчеством Эсхила, но и по отношению к политическим деятелям Афин, например, Клисфену или Фемистоклу: их деятельность рисуется достаточно ясно в изложении Томсона, но масса, которая шла за ними, группировки, которые поддерживали их, социальная история остаются в тени. Фемистокл, — говорит Томсон, — был вождем радикальных демократов, он был первым политическим деятелем, не принадлежавшим к старинным знатным родам. Его власть основывалась на том, что ему удалось оторвать от Алкмеонидов низшие слои среднего класса, но все же он не был в состоянии проводить независимую политику (стр. 222). Относительно Мильтиада сказано еще меньше: он принадлежал к известному роду Филаидов и, не будучи демократом, использовал поддержку демоса в борьбе с реакционной и пораженной политикой Писистратидов и Алкмеонидов (стр. 222—223). Продолжали ли существовать в V в. те партии, о которых шла речь раньше (стр. 90) и какова была их судьба, остается невыясненным. Термины «реакционер», «консерватор», «средний класс», «умеренный демократ», взятые вне связи с характеристикой соответствующих социальных групп, являются слишком общими.

Автор подверг пересмотру основные вопросы истории общественной жизни и духовного развития Греции. Естественно, что он не имел возможности останавливаться на характеристике тех источников, из которых он черпал свои сведения и на основании которых строил свои выводы. Но если это понятно по отношению к главам общеисто-

¹ Толкование этих слов в работе E. Fraenkel, Aeschylus'Agamemnon, 1950, т. II, прим. к строке 874, представляется спорным; ср. Софокл, Антигона, 672 указано Френкелем).

рического содержания, в которых все же было бы желательно, хотя бы в известной мере, использовать не только литературные памятники (например, для истории VI в. до н. э., гл. VII, или XII), то в других главах, предметом которых является непосредственно трагедия и в которых так интересно и ярко рисуется возникновение трагедии из ритуальной драмы, нам кажется, нельзя было бы обойтись без анализа трагедии как исторического источника. В какой мере композиция драмы влияла на трактовку данного сюжета? Как в высказываниях действующих лиц отделить взгляды самого поэта от мыслей и переживаний героев? Какие приемы характерны для Эсхила? Корнфорд в свое время в книге «*Thucydides-mythistoricus*» указал на значение того, что он называет «configuration» для понимания исторической концепции такого писателя, как Фукидид, и доказывал, что в выработке исторической концепции способа представления исторических событий сильнейшее влияние на великого историка древней Греции оказал Эсхил. Но если это утверждение имеет основания (хотя Корнфорд допустил сильные преувеличения и впал в односторонность), то тем больший интерес представляло бы изучение эсхиловских трагедий и с этой точки зрения, в частности, его своеобразной психологии (понятия *θύρις*, *έλπις* и пр.). Автор прав, стремясь вскрыть глубокие связи трагедии с аграрной магией, показать, как в первой продолжают жить старины представления, связанные с общественными условиями, давно переставшими существовать. Действительно, трагедия — сложное целое, и автору иногда очень хорошо удается показать эту сложность: история Ореста, например, содержит наследие первобытной аграрной магии, черты ранней монархии, аристократии и демократии (стр. 248). Но Томсон местами преувеличивает значение пережитков или, вернее, не учитывает того обстоятельства, что в старые привычные формы вкладывалось новое содержание, обусловленное не старыми, а новыми отношениями, и эти формы начинали служить орудием в той борьбе, которая развертывалась в среде, современной поэту. Между «примитивной ордой» и расцветом ионийской науки (стр. 81) лежит большее расстояние, чем это представляется из изложения автора.

Из частностей укажем, что для IX—VII вв. преувеличена характеристика Мидаса и Гигеса как князей-торговцев (*merchant princes*), которые использовали финансовую мощь, чтобы захватить царскую власть, как правителей, созданных деньгами (*money-made kings*, стр. 85), не говоря о том, что и их отделяет друг от друга целый период. Писистрат, пишет автор (стр. 154), — организовал горняков, которые работали в Лаврионе, и с их помощью стал тираном. Но ведь в источниках под Диакрией понимается не Лаврион, но северо-восточная гористая часть Аттики. О ней Томсон не говорит ничего, а между тем традиция не могла возникнуть без всякого основания. Это замечание, впрочем, нисколько не следует понимать как отрицание значения металлических ресурсов Лаврионских и Пангейских рудников для установления тирании в Афинах. Трудно согласиться с тем, что Пифагор является первым представителем демократической мысли (стр. 210), умеренным демократом, защитником интересов крупных торговцев (стр. 211). Пифагор эмигрировал с Самоса как враг тирании, а история пифагорейства в южной Италии делает более правдоподобными его консервативные или даже реакционные тенденции. Притом пифагореизм в различной исторической обстановке являлся идеологией различных социальных групп, и если, по утверждению автора, правление пифагорейцев в Кротоне было «коммерческой теократией» (стр. 213), то пифагореизм Эсхила должен был иметь иной характер.

Каковы бы ни были, однако, наши расхождения с Томсоном по вопросам истории Аттики или в отношении метода изучения трагедий Эсхила, мы не можем не признать большого значения его в высшей степени интересной работы. Перед читателем раскрываются в ярких очерках основные моменты развития афинского общества от времени существования тотемизма и экзогамии до образования и расцвета афинского демократического государства. Книга помогает многое лучше понять в истории древней Аттики, в особенности в истории ее идеологии. Если и нельзя признать положения, развиваемые автором за окончательные выводы, если читатель временами сознает недостаточную убедительность или односторонность этих положений, то основное направление исследования — изучение социальной истории во всем ее своеобразии —

представляется правильным. Книга ставит ряд новых вопросов, будит мысль читателя и оставляет ясное сознание плодотворности дальнейшей работы, которая, по выражению Томсона, представляется и в области античной истории, не имеющей границ. Перед нами работа, не только подводящая итог изучению автором поэзии крупнейшего из греческих драматургов, но и являющаяся в известной мере новым словом в зарубежной литературе по своим отправным пунктам и методологическим принципам. Можно только пожелать, чтобы в дальнейшей работе эти принципы проводились автором более строго и последовательно.

K. K. Зельин

L. HOMO. Le siècle d'or de l'empire Romain, èd. 19, P., 1947, 584 стр.

Идеализация Римской империи в современной буржуазной науке симптоматична. Политическая подоплека идеализации—это тоска по мощной мировой империи, укрепляющей власть буржуазии. Мнимое благополучие «римского мира», объединенного силой оружия, в числе прочих фальшивых аргументов используется в качестве обоснования агрессии современными претендентами на мировое господство.

Неслучайно в американской литературе последнего десятилетия участилось издание больших и малых работ по истории древнего Рима. Притом история ранней Римской империи обычно вызывает у американских историков чувство большего или меньшего восхищения. Все эти работы, по сути дела, антиисторичны, потому что они лишены исторического подхода и грубо модернизируют древнее общество. При помощи произвольных поверхностных аналогий с современностью протаскиваются и повторяются на все лады реакционные идеи о том, что ничего нового в общественном развитии нет и быть не может. Все уже было в древности. А положительная роль Рима, оказывается, состояла в том, что он беспрерывно воевал и завоевывал племена и народы, потому что римляне якобы любили порядок и берегали незыблемость международных соглашений, которые могли быть нарушены варварами.

Не останавливаясь на открыто расистских точках зрения, например, у Т. Франка, отметим, что такая «историческая литература» в США имеет целью не изучение истории древнего Рима, а выполняет вполне определенное реакционное задание, используя неосведомленность широких кругов населения в вопросах истории древнего мира. Фальсифицируя историю древнего мира, буржуазная историография обрабатывает умы читателей в желаемом для Уолл-Стрита направлении. Несомненно, учитывая такого рода литературу, государственный секретарь США Ачесон мог в конце 1950 г. заявить по радио следующее: «Я считаю, что при помощи современного оружия и изобретательности мы можем сделать именно то, что было сделано за столько столетий во времена Римской империи. Это зависит от силы организации, от превосходства нашего оружия. При наличии всего этого можно будет сдержать любые орды» (*Правда* от 26 сентября 1950 г., № 11741).

Но не только фашистующие книги американских авторов подготовили почву для возмутительного заявления Ачесона. Ее подготовили и аполитичные по внешности труды буржуазных историков-эрuditов, идеализировавших и идеализирующих по сути дела то же самое, что и их более откровенные американские собратья по перу, а именно — диктатуру римских рабовладельцев, объединивших силою оружия под своей властью обширные территории, эксплуатировавших покоренные страны и высокока третировавших всех неримлян, и в том числе даже своих учителей — греков. Это ощущал на себе, как мы знаем, даже Плутарх, достигший высокого звания консуляра и одновремя занимавший пост прокуратора провинции Ахайи. В своих *«Mogalia»* (814A) он так характеризует положение греческого главы местного самоуправления, формально разрешенного римскими императорами. Обращаясь к представителю местной власти, Плутарх говорит: «Накинь на себя плащ поскромнее и со своего места стратега все время посматривай на кресло римского правителя и не придавай слишком